

ПЕРВОЕ ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ РОССИИ

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УТВЕРЖДАЮ

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'D.A. Zhukina'.

**Руководитель ОПОП ВО
Профессор Д.А. Щукина**

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ**

«УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ»

Уровень высшего образования:	Подготовка кадров высшей квалификации
Направление подготовки:	45.06.01 Языкознание и литературоведение
Направленность (профиль):	Русский язык
Форма обучения:	очная
Нормативный срок обучения:	3 года
Составитель:	д.филол.н., проф. Щукина Д.А.

Санкт-Петербург

1. Уровни языковой структуры и их конститутивные единицы

Фонетико-фонологический уровень

Уровни представляют собой основные компоненты структурной организации языка. Базисными элементами, образующими уровень, являются КЕ, однако в образовании уровня в известной степени участвуют и НКЕ. Как элементы уровня, КЕ и НКЕ создают его специфику своей материальной и формальной природой, типом значения (двусторонние единицы), характером взаимоотношений, выполняемыми функциями. На этой основе выделяются фонетико-фонологический, морфемно-морфологический, лексико-семантический и синтаксический уровни.

КЕ фонетико-фонологического уровня является фонема — кратчайшая, далее неделимая звуковая единица языка, служащая для различения слов и их форм. Фонемы и неконституирующие единицы языка, относящиеся к этому уровню, образуют материальную, или объективную, сторону языка и соответственно — словесного (вербального) мышления. Фонема представляет собой членораздельный, или дискретный, звук; генетически его формирование органически связано с образованием дискретных единиц мысли, значений. Фонемы языка образуют систему. Самостоятельность фонемы в этой системе определяется тем, что ее отличает от всех других фонем данной системы. Эти ее признаки называют различительными (или дифференциальными, оппозиционными). Они выделяются на основе взаимоотношения фонем как материальных единиц, выполняющих в языке так называемую «смыслоразличительную функцию». Самостоятельность фонемы, таким образом, создается тем, чем она обладает положительно по отношению к другим фонемам системы (ср. мнение Соссюра, что фонемы определяются отрицательно).

В фонологической системе выделяются такие признаки, по которым противопоставляются ряды фонем (ср. противопоставление в системе фонем русского языка: гласных и согласных, последние, в свою очередь, делятся на звонкие и глухие, твердые и мягкие и др.). Все эти признаки коммуникативно важны. Методическим приемом выделения фонем является сопоставление двух слов, совпадающих всем своим звуковым составом, за исключением одного звукового элемента, далее неделимого, служащего материальным различием этих слов как значимых единиц языка (ср.: *пыл* — *пыль*, *кот* — *кит*, *ком* — *лом*, *мал* — *мул* — *мол* — *мил* и т. п.). Выделенные таким образом фонемы могут по-разному различать звуковые оболочки слов: сочетанием разных фонем (*кран* — *поле*) и разным количеством разных фонем (*ласточка* — *пыль*); отсутствием одной фонемы у сравниваемых слов (*оклад* — *клад* — *лад* — *ад*; *победа* — *обеда* — *беда* — *еда* — *да* — *а*; и т. п.); разным порядком одних и тех же фонем (*рост* — *сорт* — *трос* — *торс*) и др.

Для различения звуковых оболочек слов язык использует лишь незначительное количество теоретически возможных сочетаний фонем. Во-первых, не все возможные сочетания фонем человек может произнести, и, во-вторых, — и это главное — нет необходимости использовать в целях общения все возможные сочетания (из 41 фонемы русского языка можно образовать практически бесконечное число сочетаний).

Фонема как единица языка реализуется в виде таких своих видоизменений, которые не нарушают ее тождества. В разных лингвистических направлениях, у разных ученых эти видоизменения квалифицируются и называются по-разному в зависимости от понимания самой фонемы. Известно, что Ленинградская фонологическая школа (ЛФШ) считает, что фонема как тип звука реально существует в виде своих оттенков; представители Московской фонологической школы (МФШ) полагают, что фонема реализуется в своих вариациях и вариантах. Зарубежные лингвисты в

большинстве своем согласны с тем, что фонема манифестируется в аллофонах.

Устойчивое противоречие между ЛФШ и МФШ кажется непреодолимым при условии, что мы рассматриваем фонему в пределах фонологического уровня. Однако это искусственное ограничение, хотя оно в исследовательских целях и при известных допущениях необходимо. Но фонема, как и любая другая единица, существует в системе языка в целом, и ее природу, действительное положение мы можем понять при условии ее исследования в этой целостной системе.

Главное противоречие между ЛФШ и МФШ заключается в толковании фонем в условиях их фонематической нейтрализации в речи. Ленинградские фонологи видят здесь разные фонемы, различающие слова или формы слов (ср. в слове: *пруда* — *пруд* фонемы $[d]$, $[m]$; *москвичи* — вариант фонемы $[d]$, не нарушающий тождества морфемы, несмотря на совпадение в звучании с фонемой $[m]$). Подобное поведение фонем в речи и дает основание некоторым лингвистам делать вывод об абстрактной природе фонемы как пучке оппозиций, безразличном к своему материальному воплощению.

Между тем фонема — это тип звука, нейтрализация которого, т. е. потеря в известных фонетических условиях речи своей смысло-различительной функции, отнюдь не исключает фонематического противоположения фонемы в системе языка в целом именно как типа звука. Фонема — абстракция, но абстракция с реальностью, предполагающая свое конкретное материальное воплощение и обязанная своим статусом в фонологической системе наличию различительных признаков этой материальной, звуковой реальности.

Нейтрализация фонем в определенных речевых условиях никоим образом не влияет на взаимопонимание говорящих. Система языка информационно избыточна, и нейтрализация одной фонемы в потоке речи, в ее известных образованиях, многократно компенсируется другими

материальными и идеальными (семантическими) различителями, входящими в данное речевое образование. К тому же нейтрализация фонемы происходит в строго определенных типовых речевых условиях, которые говорящий усваивает в процессе овладения языком. Каждая фонема имеет такие участки в своем функционировании, где ее смысловозначительность ослабляется или вовсе нейтрализуется и где эту функцию выполняют в потоке речи системные элементы как фонетического уровня, так и других уровней языка, образующие в совокупности определенно оформленную, семантически законченную речевую цепь (ср. «речь» в понимании Потебни: 4, с. 44).

Итак, противоречия между ЛФШ и МФШ отражают противоречивый характер существования фонем в языке, и объяснение этой противоречивости требует рассмотрения фонемы в языке как целостной системе, реально существующей в речи. Рассматривая же фонему в пределах словоформы или морфемы, мы тем самым ограничиваем фонему в известной степени искусственно выделенными постоянными условиями. Между тем фонема существует в речи в более обширных речемыслительных образованиях, смысловозначительные возможности которых значительны, избыточны. Такой характер функционирования фонем (вариативность, нейтрализация) не влияет на взаимопонимание говорящих.

Учебные вопросы:

1. На основе чего выделяют уровни языковой системы?
2. Что является конститутивной единицей фонетико-фонологического уровня?
3. На основе чего выделяются конститутивные единицы фонетико-фонологического уровня?

Темы докладов и сообщений

1. Единица языка – фонема, единицы речи – фон, аллофон, звук.
2. Промежуточные уровни языковой системы.

2. Морфемно-морфологический уровень

В вопросе о выделении этого уровня у лингвистов нет единства. Некоторые ученые выделяют только морфемный уровень, исследуя системные взаимоотношения семантически минимальных единиц — морфем, выделяя, в свою очередь, в их составе аффиксальный подуровень. Другие ученые, кроме морфем, включают в морфемно-морфологический уровень словоформы и их парадигмы как единицы морфологии. Учитывая тот факт, что морфемы и их связи должны изучаться в единстве с выполняемыми ими функциями, мы также включаем в состав единиц этого уровня морфемы и словоформы. Слово является узловым элементом языка, фокусом взаимодействия многих языковых факторов. В силу этого разными своими сторонами оно имеет отношение к другим единицам языка, а следовательно, и к другим языковым уровням. Слово не только носитель лексического значения, оно одновременно и морфологическая единица, образованная по присущим данной языковой системе правилам. Поэтому словоформа и лексема как совокупность словоформ — это морфологические образования, а потому имеют отношение к морфемно-морфологическому уровню.

Подобно другим единицам языка, морфема выступает в виде определенных своих видоизменений, вызванных историческими причинами или конкретными текстовыми условиями. Представители (репрезентанты) морфемы, образующие в совокупности парадигму ее изменений в системе языка, т.е. ее тождество, называются морфами, или алломорфами (по аналогии с аллофонами фонемы; ср.: *друг — друга — друзья — дружить; свечой — тучей; избить — испить; искать — подыскать; история — предыстория* и т. п.).

Морфемы самостоятельно не употребляются в предложении, не являются тем самым номинативными или коммуникативными единицами языка. Они служат для образования слов и словоформ. Выделяются знаменательные морфемы (корни) и служебные (аффиксы). В свою очередь

аффиксы подразделяются на словообразовательные и словоизменительные. С помощью словообразовательных суффиксов образуются новые слова различных частей речи; словоизменительные аффиксы участвуют в образовании форм слова. Приставки образуют новые слова одной и той же части речи. В соответствии с этим делением словообразовательные аффиксы имеют словообразовательное значение, словоизменительные — грамматическое.

Морфема — явно выраженный показатель классификационной природы слова. Если с корнем связано выражение вещественного значения слова, то словообразовательные и словоизменительные аффиксы являются показателями принадлежности слова к тому или другому соответственно содержательному или формальному разряду слов.

Образованная с помощью словоизменительного аффикса словоформа включается в парадигму формального изменения слова, принадлежащего к определенной части речи.

Совокупность таких словоформ, образующих парадигму, определяется как лексема. Конкретные грамматические значения объединяются в грамматические категории (ср. категории рода, числа, вида, наклонения и др.). Грамматические категории — это предельно отвлеченные грамматические понятия, которые часто не замыкаются пределами одной части речи. С помощью категорий осуществляются сквозные грамматические классификации, охватывающие разные части речи и доказывающие тем самым единство грамматической системы языка.

Значимые элементы языка по-разному осмыслялись отечественными и зарубежными лингвистами и в соответствии с этим по-разному классифицировались. Укажем в качестве примера на оригинальную классификацию значимых элементов языка Потебни.

Потебня делит значимые единицы языка, с известной долей условности, на объективные и субъективные. Объективные — это элементы слова,

выражающие индивидуальное содержание, т. е. корни. С ними связано обозначение вещественного значения; они, как пишет Потебня, непосредственно указывают на те или другие явления действительности. Субъективные — это элементы, выражающие различного рода общие, классификационные значения, относя слово к разным содержательным или формальным разрядам. Именно эти субъективные значения представляют собой «приспособления» языка для организации, оформления и выражения так называемого «внеязычного содержания», образующегося на основе чувственного восприятия явления действительности и его понимания. Субъективные значения — это сопутствующие значения, уточняющие в том или другом отношении и оформляющие значение корня, вещественной части слова.

С помощью «субъективных приспособлений» осуществляются закономерные преобразования «внеязычного содержания», в чем находят выражение системные взаимоотношения между лексикой, словообразованием и грамматикой.

Учебные вопросы:

1. Что является конститутивной единицей морфемно-морфологического уровня?
2. Как осмыслились и классифицировались значимые единицы языка отечественными и зарубежными лингвистами?
3. Знакомы ли Вы с подобными классификациями?

Темы докладов и сообщений

1. Морфема – минимальный языковой знак, имеющий план выражения и план содержания.
2. Словоформа – парадигма – грамматическая категория: соотношение понятий.
3. Понятие грамматической категории в русском языкознании.

3. Лексико-семантический уровень

Главной КЕ этого уровня является слово как носитель лексического значения; кроме него, к этому уровню относятся также приравняемые к слову — по характеру своих значений и выполняемым функциям — неоднословные вторичные единицы языка: фразеологизмы, лексикализованные номинативные и предикативные сочетания слов, а также аббревиатуры. Лексико-семантический уровень аккумулирует и закрепляет итоги познавательной деятельности говорящего коллектива, выработанные в практике общения понятия. В силу этого лексико-семантический уровень существенно отличается от всех других уровней. Языковеды указывают на ряд определяющих его характеристик.

Словарный состав подвижен и проницаем, это открытый уровень языка. Новые факты действительности, попадающие в сферу человеческой деятельности, новые понятия, формирующиеся на этой основе, получают непосредственное отражение в словарном составе языка. В соответствии с разными условиями и целями общения, в результате изменения самого языка и исторической смены коммуникативных систем, под воздействием других языков в лексической системе языка формируются разные слои лексики: диалектная, профессиональная, терминологическая, старославянская (в русском языке) и др. Разнообразны тематические и семантические группировки слов, отражающие различные связанные между собой явления действительности и понятия.

Лексика языка непосредственно связана с разными сферами общения, с разными внешними коммуникативными участками речевой деятельности. На лексико-семантическом уровне смыкается и перекрещивается внутренняя и внешняя структура языка. В результате происходит стилистическая дифференциация лексики языка. Однако основанием такой дифференциации выступает межстилевая, нейтральная лексика, служащая словарным ядром в

любом стиле и сфере общения; эта лексика представляет собой стилистический фон, на котором выделяются другие стилистически маркированные слои лексики.

Лексика языка внутренне системно организована на разных семантических основаниях. Отмечается логическая подчиненность и соподчиненность словарного запаса. На этом основании выделяются различного ранга гиперонимы (генеральные, общие понятия) и гипонимы (видовые, логически подчиненные понятия). Гиперонимия и гипонимия пронизывают лексику языка от базовых, категориальных понятий до конкретных, единичных.

Систематическая организация лексики на семантических основаниях выражается и в таких явлениях языка, как многозначность, синонимия, антонимия, лексическая ассимиляция, семантическая сочетаемость слов и др. Примером системной организации лексики могут служить упоминаемые выше тематические группы слов и семантические (понятийные) поля.

Как говорилось выше, к лексико-семантическому уровню принадлежат и другие лексикализованные единицы, которые по своей семантике, выполняемым в языке функциям тождественны слову либо приближаются к нему. Это фразеологизмы, глагольно-именные сочетания слов, составные наименования (ср.: составные термины, различного рода устойчивые аналитические названия, сложносокращенные слова). В сравнении со словом эти единицы по своему образованию генетически вторичны.

Слово — знак большого обобщения, выполняющий в языке различные семантические и грамматические функции (номинативную, предикативную, образную, характеристическую и др.). Поэтому вполне естественно и закономерно, что со словом могут совпасть семантически и функционально и быть соотносительными различного рода устойчивые сочетания слов. Однако различное оформление и выражение соотносительного со словом значения (аналитические номинативные и предикативные единицы различаются

составом своих элементов, смысловой структурой) не может не вносить своеобразие в их значения и выполняемые функции, по сравнению со словом. Все это определяет их самостоятельное место и роль на лексико-семантическом уровне, а следовательно, и их отношение к обозначаемой действительности.

Своеобразие этих вторичных единиц особенно рельефно обнаруживается в случае их синонимичности слову. Само обобщение в слове (понятие) разрабатывается исторически и не выступает данным в момент образования слова. Значение слова должно рассматриваться не как эталон приравнения и отождествления значения и функций других номинативных и предикативных единиц языка, а скорее как общий семантический и функциональный фон, на который проецируются значения и функции вторичных составных единиц языка. Это позволяет определить своеобразие этих единиц, глубину и объем разрабатываемого в них обобщения, роль образности, специфику и набор осуществляемых функций, по сравнению со словом. Поэтому нет оснований полностью приравнивать семантику и функции слова и таких единиц, как фразеологизм, глагольно-именные сочетания, составные термины на том основании, что они на определенном участке своего функционирования могут выполнять одни и те же семантические и грамматические функции, быть семантически или ономазиологически тождественными, т. е. синонимичными. Близость составных лексикализованных единиц слову различна, что зависит от развитого в них обобщения, выполняемых семантических и грамматических функций, от их смысловой структуры (внутренняя форма) и ее соотношения со значением.

Отношение слова и фразеологизма было в центре внимания фразеологов со времени формирования фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины. Если первоначально лексикологи по большей части отождествляли слово и фразеологизм (и прежде всего в семантическом

отношении), то в последнее время многие языковеды склонны видеть во фразеологизме особую конститутивную единицу языка, образующую свой структурный уровень; утверждается при этом особый характер значения фразеологизма и выполняемых им функций. В противоположность такому мнению мы считаем, что нет достаточных оснований выделять фразеологизм из лексико-семантического уровня. И семантической близостью, и своей семантико-грамматической функцией, соотносительностью с морфологическими разрядами слов, соотношением внутренней формы и значения фразеологизм не порывает со словом. Разумеется, эти общие черты не исключают своеобразия фразеологизма. Своим образным, характеристическим значением, выполняемыми в предложении функциями фразеологизм родствен словам с синтаксически обусловленным значением (образная, эмоциональная характеристика, даваемая подлежащему). Фразеологизм, имея образное, характеристическое значение, либо выполняет собственно предикативную функцию, либо образно определяет, уточняет предикат. Отсюда становится понятным, почему самыми многочисленными в языке являются глагольные и наречные фразеологизмы. Малочисленные субстантивные и адъективные фразеологизмы употребляются, как правило, в функции сказуемого, т. е. являются предикативами, образной, эмоциональной характеристикой субъекта-подлежащего (ср.: *чучело гороховое, сонная тетеря, от горшка два вершка, с коломенскую версту, не все дома* и т. п.).

Особое место на лексико-семантическом уровне занимают глагольно-именные сочетания. Это весьма продуктивный класс лексически расчлененных устойчивых предикатов, в большинстве своем коррелятивных глаголу (*участвовать = принимать участие, помогать = оказывать помощь, влиять = оказывать влияние* и т. п.). Предикаты такого типа весьма продуктивны во многих современных языках, как вторичные образования они наблюдались и в древнем состоянии языков.

В отечественном языкознании утвердилось мнение, высказанное Потебней, что в языке, по направлению к нашему времени, увеличивается противоположность имени и глагола. Это выражается прежде всего в их формальных, грамматических признаках, в их роли в предложении как главных членов, в поляризации и тяготении второстепенных членов предложения к этим двум грамматическим центрам в предложении. Но рядом с этим в процессе развития языка наблюдаются и тесные, взаимопроникающие отношения между именем и глаголом, в результате чего образуются единицы, в которых объединяются и активно проявляются свойства имени и глагола.

Тенденция, с одной стороны, к уточнению в предикации приписываемого подлежащему признака, с другой,— семантическое ослабление определенных весьма употребительных глаголов (типа — *иметь, дать, оказывать, вести* и др.) не могли не привести к «союзу» имени и глагола. Богатые грамматические и валентные возможности этих двух частей речи, объединенные в глагольно-именных сочетаниях, усиленно используются, благодаря чему выражаемое понятие снабжается многими дополнительными характеристиками, представляющими его расщепленно, дифференцированно (ср., например, *влиять = иметь влияние — иметь большое, значительное, определяющее, некоторое ... влияние, значить = иметь значение — иметь важное, большое, первостепенное... значение* и т. п.). Синтез имени и глагола знаменует собой более дифференцированное и детальное отражение фактов действительности.

В современных языках, в том числе и в русском языке, активно развивается аналитизм не только в обозначении действия, но и предмета в широком его понимании. Однако в языке одновременно продолжает быть продуктивным и развивающимся и синтетическое, однословное обозначение понятий. Аналитическое и синтетическое обозначения понятий сосуществуют, взаимодействуют и во многих случаях предполагают друг

друга, выполняя дифференцирующую, дополняющую, в том числе и синонимическую функции.

В языках отмечается большое количество аналитических устойчивых названий как в общеупотребительном языке, так и — особенно — в научных терминологиях (ср.: *заработная плата, грузовой автомобиль, начальное образование, железная дорога, высшее учебное заведение, теория познания, химическое соединение, двигатель внутреннего сгорания, электромагнитное излучение* и т. п.). По наблюдениям лингвистов, в современных научных терминологиях составные термины преобладают. Дефинитивная (определяющая) природа термина (В.В. Виноградов) получает в таких названиях отчасти внешнее языковое выражение. Признаки, заключенные в таком названии, в известной степени определяют то понятие или предмет, который название обозначает. И хотя составные термины, как говорилось выше, весьма распространены в языке науки, оптимальным для языковой системы знаком, закрепляющим понятие в языке, остается слово. На почве этого противоречия образуются параллельные названия для одних и тех же научных понятий, имеющие неодинаковую функциональную ценность, а потому дополняющие друг друга. Именно соотношение в языке таких названий позволяет вскрыть их функциональные особенности. Для определенных условий общения небезразлично — явно называются в знаке выделительные, определяющие признаки понятия или подразумеваются. Как нельзя поставить знак равенства между словом и его определением, хотя объем значения, существенные признаки, обозначаемый класс предметов являются общими, так же нельзя полностью идентифицировать в смысловом отношении однословный и составной термин (ср., например, грамматические термины: *неопределенная форма глагола = инфинитив, повелительная форма глагола ~ императив, имя существительное — субстантив, винительный падеж = аккузатив* и т. п.). Поскольку составной термин явно называет признаки обозначаемого понятия, он предпочтителен при обучении

(школьная грамматика применяет эти термины). Но составные термины непродуктивны в словообразовательном отношении, поэтому дериваты образуются от иноязычных однословных терминов (ср.: *инфинитивный, инфинитивность, императивный, субстантивный, субстантивность* и т. п.). Таким образом, различные возможности пар приобретают известную функциональную ценность, которая поддерживает сосуществование названий в терминосистеме.

Учебные вопросы:

1. Что является главной конститутивной единицей лексико-семантического уровня?
2. Каковы определяющие характеристики лексико-семантического уровня, существенно отличающие его от всех других уровней? Знакомы ли Вы с подобными классификациями?
3. В чем выражается систематическая организация лексики на семантических основаниях?

Темы докладов и сообщений

1. Тематическая классификация слов.
2. Лексическая парадигматика и лексическая синтагматика.
3. Лексико-семантическое поле.

4. Синтаксический уровень

КЕ синтаксического уровня являются словосочетание и предложение. Синтаксис, как раздел грамматики, не занимается описанием и анализом конкретных смыслов этих единиц; теоретически и практически они неисчерпаемы. Предметом изучения синтаксиса являются отвлеченные модели строения этих единиц и их типовые значения, закрепленные в системе языка.

Теоретическую и практическую разработку словосочетание получило в трудах прежде всего отечественных ученых — Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, Н.П. Петерсона, В.В. Виноградова, В.П. Сухотина и др.

Наиболее признанной, теоретически цельной является концепция словосочетания В.В. Виноградова. Словосочетание — номинативная единица, подобная слову; представляет собой строительный материал, из которого образуется предложение. Вслед за В.В. Виноградовым, под словосочетанием понимают сочетание, как правило, двух знаменательных слов, связанных между собой подчинительной связью и выражающих одно «расчлененное понятие». Форма словосочетания зависит от грамматически главного, стержневого слова. Словосочетание — это, в сущности, семантическое распространение этого слова на основе его морфологических свойств. Словосочетание — ближайший контекст слова, в котором снимается отвлеченность его значения, оно «привязывается» к конкретной действительности и реализует ту или иную свою семантическую функцию. Обозначение словосочетанием «расчлененного понятия» говорит о том, что значение, а точнее — смысл словосочетания, не представляет собой простую сумму значений двух сочетающихся слов.

Предложение — это коммуникативная единица языка. Подобно другим основным единицам языка, предложение имеет много определений. В качестве основного используют определение В.В. Виноградова: «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли».

Традиционное изучение предложения преимущественно обращало внимание на структурно-грамматические его признаки. Это изучение выявило существенные грамматические признаки предложения. Отталкиваясь от логицизма и психологизма, Потебня и его школа выделили

предикативность и модальность как тот необходимый грамматический минимум, который характеризует предложение в качестве особого грамматического явления (категории времени, наклонения, лица, отношения выражаемой мысли к действительности). Морфологически эти категории выражаются в формах глагола. Поэтому глаголу отводится в трудах таких ученых, как А.А. Потебня, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др., исключительная роль в образовании предложения. По Потебне, основные грамматические признаки современного предложения связаны с глаголом. Если главным признаком нашего предложения, замечал он, является глагольность, то, определив глагол, мы тем самым определим минимум предложения.

Грамматисты описывали грамматические модели, или схемы, по которым строятся предложения, исследовали их семантику. Содержание предложения рассматривалось с логической либо психологической точки зрения (ср. выделение утвердительных, отрицательных, частно-отрицательных и других предложений). Очевидно, что при таком подходе предмет собственно языковедческого анализа содержания предложения оставался недостаточно затронутым.

В современных исследованиях по синтаксису стало весьма распространенным выделение в традиционно понимаемом предложении, по сути дела, двух синтаксических единиц — собственно предложения и высказывания. При этом под предложением понимается абстрактная модель, или схема, предложения, реализуемая в открытом числе высказываний. Высказывания, таким образом, представляют собой лексические наполнения этой модели, выражающие индивидуальные смыслы. Последние образуются в конкретных речевых условиях в результате отражения определенных «ситуаций». Воспроизводимой в высказываниях модели соответственно приписывается статус языковой единицы, высказыванию — речевой. Такое понимание коммуникативной единицы языка, в которой реализуются все

другие единицы, дает основание некоторым лингвистам говорить о двойственности нашей науки вообще. Традиционное языкознание предлагается разделить на науку о языке и науку о речи. Эти идеи восходят к концепции Соссюра о дихотомии языка и речи и соответственно о двух лингвистиках.

Выделение в предложении модели, или структурной схемы, и индивидуального смысла представляет собой закономерный результат анализа предложения и — что следует подчеркнуть — не исчерпывает его существенных признаков. Однако было бы методологической ошибкой рассматривать выделенную в результате исследования сторону предложения как отдельную единицу, т. е. приписывать ей онтологически самостоятельное существование вне того единства, в котором она действительно существует и благодаря которому создается качественная определенность предложения как отдельного языкового явления.

Понимание предложения, т. е. коммуникативной единицы, как формальной схемы, или модели, логически предполагает и представление о языке как о конструкторе.

Выделение типового значения модели, или схемы строения предложения, поколебало безоговорочное отнесение высказывания к речи; стал более очевиден его механический отрыв от этой модели. Модель, или схема, семантизирована, и притом таким образом, что ее значение органически слито со смыслами определенного типа предложений, т. е. выводится из этих смыслов как их общая инвариантная часть. Выделение в предложении структурной модели и индивидуального смысла («высказывания») — искусственный прием, гносеологически необходимый для познания сущности предложения, являющийся результатом его анализа. И смысл, и абстрактная модель, и ее значение представляют собой отдельные стороны предложения как явления языка и, соответственно, аспекты рассмотрения предложения, а не отдельные онтологически самостоятельные единицы

языка, относящиеся к языку и речи. Только их диалектическое единство создает качественную определенность предложения как отдельного самостоятельного явления языковой действительности.

Учебные вопросы:

1. Назовите конститутивные единицы синтаксического уровня?
2. Предложение как коммуникативная единица языка.
3. Классификация предложений в русском языке.
4. Категории предикативности и модальности.

Темы докладов и сообщений

1. Концепция словосочетания по В.В. Виноградову.
2. Предложение и высказывание в современных исследованиях по синтаксису.

ЛИТЕРАТУРА КО ВСЕМ ТЕМАМ

Основная:

1. Каменева, В.А. Теория коммуникации (прагматический аспект): учебное пособие / В.А. Каменева. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2013. – 168 с. – ISBN 978-5-8353-1529-1; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=232504>
2. Сергеева, Е.В. История русского литературного языка: учебное пособие / Е.В. Сергеева. – 2-е изд., стер. – Москва: Издательство «Флинта», 2017. – 269 с ISBN 978-5-9765-1361-7; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364336>

Дополнительная:

3. Белоусов, К.И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста: монография / К.И. Белоусов. – 3-е изд., стер. – Москва: Издательство «Флинта», 2018. – 213 с. – ISBN 978-5-9765-0866-8; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=69099>
4. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – 2-е изд., стер. – Москва: Издательство «Флинта», 2012. – 384 с. – ISBN 978-5-9765-0789-0; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57883>.
5. Вещикова, И.А. Орфоэпия. Основы теории и прикладные аспекты: монография / И.А. Вещикова. – Москва: Издательство «Флинта», 2016. – 311 с. – ISBN 978-5-9765-0233-8; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=79514>.